

УДК 37.015"18/19":070

ШКОЛЬНЫЕ РУКОПИСНЫЕ ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ФАКТОР СОЦИАЛИЗАЦИИ¹

А.Б. Лярский

Северо-Западного института печати СПбГУТД, 91180, Санкт-Петербург, пер. Джамбула, 13
lam732007@yandex.ru

Исследуются проблемы социализации учащихся средних учебных заведений в начале XX в. на примере текстов школьных рукописных журналов. Текст рассматривается как социальный акт. Демонстрируются особенности осознания школьниками проблем, типичных для интеллигентского дискурса: отношение к народу и отношения с властью.

Ключевые слова: история детства, школьные журналы, социализация.

Одной из проблем, с которой сталкиваются исследователи истории российского образования и – шире – истории российского детства, является небольшое количество собственно детских текстов. Книжки, написанные для детей и о детях, воспоминания о детских годах взрослых и часто уже стареющих людей – все это есть в изобилии. Однако текстов, созданных собственно детьми и подростками, в нашем распоряжении все еще очень мало. Источники подобного рода представляют большую ценность. На основе изучения этих материалов возможны корректная реконструкция повседневной жизни детей, понимание того, как окружающая ситуация отражается, осознается и преобразуется во внутреннем мире ребенка, а следовательно, и понимание принципов взаимодействия взрослых и детей в изучаемую эпоху.

Безусловно, в этом направлении исследователями проделана очень серьезная работа [см., например: Русский школьный..., 1998; Школьный быт..., 1992; Московское детство..., 2008; Городок в табакерке..., 2008; Келли, 2012; Сальникова, 2004, 2007; Черендинова, 2002]. Чем ближе к нам эпоха, которую мы изучаем, тем с меньшим трудом заполняется эта лакуна. Но приходится признать, что в области исследования ситуации начала XX в. дело обстоит далеко не удовлетворительно и мы нуждаемся в привлечении новых источников.

Один из таких источников – школьные журналы, выпускавшиеся учащимися средних учебных заведений в начале XX в. Источник это известный, и исследователи уже обращались к нему. Работа, в которой анализируется феномен школьного дореволюционного журнала, принадлежит Ю.Б. Балашовой [Балашова, 2007]. В ней впервые высказаны многие любопытные идеи, связанные со школьной журналистикой. Широкое применение междисциплинарного подхода позволило Ю.Б. Балашовой обратить внимание на это явление, которому историки уделяли явно недостаточное внимание. Но в поле зрения исследовательницы попали в основном журналы, издаваемые типографским способом и по большей части с участием (иногда минимальным) педагогов.

Однако существует обширный пласт «непричесанных» текстов, циркулировавших в ученической среде нелегально или полулегально, как правило, созданных без оглядки на администрацию. Опираясь на эти «нелегальные» журналы, мы можем восполнить значительные пробелы в истории российского детства, в частности, попробовать реконструировать воззрения самих детей и подростков на собственную реальность, причем посмотреть на них в определенной динамике. При этом возникает, конечно, одно затруднение – текстов более раннего времени, чем начало XX в., обнаружить пока не удалось. Хотя в нашем распоряжении есть и цитаты из ранних журналов, и исследования современников, посвященные обзору журналов предыдущих эпох. Необходимо упомянуть статьи, опубликованные в журнале «Вестник Воспитания»: в 1896 г. С. Скворцова поместила в нем небольшую статью «Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, издаваемым гимназистками», а в 1901 г. С. Смирнов напечатал в четырех номерах журнала огромный обзор «Ученические журналы и сборники», в котором описаны известные автору школьные печатные и рукописные издания XIX в. [Скворцова, 1896; Смирнов, 1901]. О последней статье следует сказать особо. В ней предпринята попытка проследить традицию создания школьных журналов начиная с XVIII в. и заканчивая 90-ми гг. XIX в. на материале личного собрания автора и его бесед (или переписки, которую можно охарактеризовать как письменное интервью) с теми, кто в гимназические

годы принимал участие в таких журналах. Основная мысль работы – показать безопасность подросткового творчества, бессмысленность запретов и преследований в связи с ним со стороны гимназического начальства. В статье приводятся обширные цитаты из детских текстов и воспоминаний, что придает ей особую ценность, поскольку оригиналы скорее всего утрачены. Опираясь на эти работы, можно, правда, с некоторыми поправками, проследить традицию издания школьных рукописных журналов.

В качестве основного источника я привлекаю коллекции школьных рукописных журналов, сформировавшиеся вокруг двух учебных заведений Санкт-Петербурга – Выборгского восьмиклассного коммерческого училища (ВВКУ) [ОР РНБ. Ф. 1091: Герман П.А.] и Введенской мужской классической гимназии [ЦГИА СПб. Ф. 2189: бумаги Ю.М. Васильева]. Дополнительно могут быть привлечены разрозненные экземпляры школьных рукописных изданий, хранящиеся в РГАЛИ [РГАЛИ. Ф. 1345. Коллекция рукописей]. И если в РГАЛИ скорее всего журналы попадали случайно, то собрания в ОР РНБ и ЦГИА обладают и любопытной историей, и важными особенностями.

Особенности коллекции ВВКУ связаны, конечно, с особенностями этого удивительного учебного заведения. Оно было создано на волне революции 1905–1907 гг. группой педагогов-энтузиастов во главе с П.А. Германом, исповедовавших принципы новой свободной школы. Для школы были характерны мягкий дисциплинарный режим, совместное обучение мальчиков и девочек, поощрение творчества и самостоятельной работы детей, а главное – атмосфера доверия и сотрудничества, атмосфера единой семьи учителей, учеников и родителей. Причем эта атмосфера культивировалась и поддерживалась и директором, и педагогическим коллективом. Случайные люди в школу не попадали, они отбирались лично директором. Статус коммерческого училища позволял избегать чрезмерной казенщины, поскольку коммерческие училища не подчинялись Министерству народного просвещения и т.д. [Лейкина-Свирская, Селиванова, 1993]. Чувства некоторых воспитанников к школе иначе, чем словом «любовь», не передаются. Так, В.Р. Лейкина-Свирская, известный советский историк и историограф школы вспоминала: «...школу я не только любила: для меня ничего другого, кроме школы и связанного с ней, не существовало тогда. Надо мной смеялись дома, что в праздники и каникулы я ходила гулять к Финскому переулку, чтобы лишний раз поглядеть на милый дом. После лета возвращаешься на уроки и сердце замирает, как перед свиданием, не знаю с чем еще сравнить» [Из истории..., 2003, с. 89]. Школа была чрезвычайно популярна и в ней учились дети известных представителей петербургской интеллигенции: дети историков А.Е. Преснякова и А.А. Корнилова, таких политических деятелей, как П.Б. Струве, П.Н. Милоков, В.Б. Чернов, В.Д. Бонч-Бруевич, Н.И. Подвойский, племянницы и падчерица Л.Б. Крапина [Из истории..., 2003, с. 11].

Воспитанники школы активно – при поощрении педагогов, администрации и родителей – занимались самообразованием. В ней действовали кружки – например, естественнонаучный и исторический, проводилась большая экскурсионная работа. Ученики издавали журналы и альманахи, с 1914 по 1917 г. выпускалась «Школьная газета». Причем эти издания выходили совершенно свободно, были рукописными и размножались на гектографе, в редком случае – на печатной машинке. Характерный штрих – статьи часто подписывались учениками с указанием класса, псевдонимы были редкостью и использовались в основном по желанию автора [ОР РНБ. Ф. 1091: Герман П.А. Д. 645. Л. 11].

Ученикам же Введенской гимназии о такой возможности приходилось только мечтать: подавляющее большинство текстов из коллекции ЦГИА СПб. подписаны псевдонимами. И это не случайно. Коллекция журналов, отложившихся в ЦГИА СПб. [Ф. 2189. Бумаги Ю.М. Васильева], связана с историей среднешкольного движения в Санкт-Петербурге. По словам одного из авторов воспоминаний о среднешкольном движении, С.А. Дианина, коллекция ученических журналов собиралась Ю.М. Васильевым целенаправленно, в рамках работы так называемой «Межученической организации». Эта организация, состоявшая из представителей разных средних учебных заведений Санкт-Петербурга, была создана в 1911 г. В марте 1912 г. в ней состояло около 140 человек из 12 учебных заведений (из Введенской гимназии, в которой учился Ю.М. Васильев, было 66 человек), большинство было в возрасте от 15 до 17 лет. Несмотря на декларируемый организацией беспартийный характер, ее участники тяготели к левацким группировкам: анархистам, эсерам и большевикам. История «Межученической организации» окончилась так называемым «витмеровским делом»: 9 декабря 1912 г. были арестованы 34 ученика, причем дело получило большой обществен-

ный резонанс. Сам Ю.М. Васильев погиб на фронте в 1916 г. [Дианин, 1926, с. 132–143].

Коллекция этих журналов складывалась в своеобразной среде казенных гимназий, где часто преследовалась не только революционная, но и любая не санкционированная начальством деятельность. Во многих случаях журналы, даже самые невинные, издавались подпольно, их редакторы и авторы скрывались за псевдонимами, и на это специально указывалось. Так, когда ученики Введенской гимназии в 1913 г. решили вести коллективный дневник (т.е. завести тетрадь, в которую каждый мог записывать свои мысли и чувства), на первой же странице появилось предупреждение: «прошу не подписываться во избежании (так в тексте. – *А.Л.*) несчастных случаев. 5 дек. 1913 г.». [ЦГИА СПб. Ф. 2189. Д. 172. Л. 1].

Таким образом, существуют две полярные точки зрения: рукописные журналы, создававшиеся в крайне благоприятной среде при благожелательном невмешательстве взрослых, и журналы, создававшиеся в среде крайне недружелюбной и даже враждебной, а именно так воспринимались учениками казенные учебные заведения. Это значит, что у нас есть возможность говорить о сравнительном анализе этих текстов, а значит, и о возможном выделении инвариантов если не школьного журнала, то наиболее важных тем его.

В силу ограниченности объема статьи я бы хотел уделить основное внимание только одному аспекту школьной журналистики – ее социализирующему характеру [Балашова, 2007, с. 70–74]. Причем речь идет о журнале не только как о сборнике текстов, но и как о «социальном факте». Текст, опубликованный в журнале, читаемом одноклассниками, сам журнал, создаваемый в дружеской среде, – это социальный опыт, опыт деятельности, формирующий и навыки, и идеи, спланивающий или раскалывающий сообщество гимназистов.

Следует напомнить, что практически все школьные рукописные журналы были порождением дружеских кружков, их деятельности и даже единственным видом такой кружковой деятельности. В этом мнении едины исследователи, между которыми лежат столетие [Балашова, 2007, с. 60; Смирнов, 1901, № 9, с. 34–35]. И для подростков издание журнала может быть увлекательным, опасным и захватывающим предприятием, связанным с тайными собраниями по вечерам, с ночными переписываниями статей, с трепетным ожиданием критических отзывов товарищей и попытками уберечь свое детище от начальства и т.д. Кроме того, что журнал – это первый опыт творческого мышления, это также первый опыт рутины, ссор с товарищами, первый опыт столкновения с инертностью, первый опыт авторского самолюбия, опыт редакторской власти, опыт демократических выборов и подковерных интриг. То есть в ходе выпуска журнала, газеты или сборника ученики вовлекались в ситуации, связанные с самоорганизацией, с противостоянием школьной администрации, и в то же время в ситуацию своеобразной повседневности общественной жизни. Не будет преувеличением сказать, что для многих участников школьных журналов этот период их школьной жизни стал определяющим переживанием, а впоследствии – драгоценным воспоминанием. Восторг от пробуждения собственных способностей и собственных сил, счастье взаимопонимания – все это не забывалось и взрослыми людьми. Пожалуй, в связи со сказанным уместно привести несколько громоздкую, но очень показательную цитату из воспоминаний: «Это наше детское предприятие принадлежит к числу светлейших моих воспоминаний о гимназии... Нам следовало бы назвать наш журнал «Звездой»... это была просто звезда, звезда нашей неприятной и заброшенной жизни, около которой группировались мы – несколько мечтательных мальчиков. Наш журнал скучен, сер, поражает отсутствием литературного дарования, но он был светлый порыв и потому светлое явление. Мы сами создали себе свой мир, бедные, заброшенные дети!» [Смирнов, 1901, № 7, с. 88].

Этот и ему подобные отрывки позволяют говорить о школьных рукописных журналах не только как о сборниках вторичных, подражательных текстов, но и как о свидетельствах опыта самосознания и общественной деятельности. Возможно, это и не меняет сути дела с точки зрения филологии, но с точки зрения социальной истории придает этому источнику некий новый смысл, что приводит нас к чрезвычайно важному вопросу преемственности поколений. Выявление механизмов формирования и воспроизводства социального слоя с присущими ему мировоззрением, практиками и привычками к определенному типу взаимодействия имеет большое значение для социальной истории, тем более для истории российской интеллигенции. Ее представители в начале XX в. определяли себя именно через преемственность идеалов и традиций, через набор текстов и степень образования, через участие в деятельности по улучшению действительности. Как осваиваются эти традиции? Как интериоризируются идеалы? Каковы особенности этих процессов? Основная

идея достаточно проста: я думаю, что освоение определенных текстов и практик создания подобных текстов – существенный момент в процессе социализации интеллигенции. Поэтому меня интересует не «специфически детское», а «типически интеллигентское» в дискурсе школьников. И школьные журналы могут показать, как в школьной среде происходило освоение идей и мнений, типичных для интеллигенции.

С этой точки зрения важно то, что сами авторы журналов осознавали себя как носителей интеллигентской традиции, как будущих интеллигентов. «Мы – новая интеллигенция, созданная новой школой, мы идем на смену старой обывательщине, воспитанной казенной гимназией», – пишет один из авторов «Школьной газеты» ВВКУ в 1915 г. [ОР РНБ. Ф. 1091. Д. 657: газ. «Школьная мысль». Л. 249 об.]. Конечно, осознание собственной элитарности было присуще многим представителям Выборгского коммерческого училища, но так на себя смотрели и иные авторы: «Что должны мы делать для своего развития, как будущие интеллигенты?» – начинает свою статью «Насущный вопрос» ученик 6-го класса одной из московских гимназий в 90-х гг. XIX в. В этой статье дается целая программа самообразования с весьма амбициозными задачами: «Итак, мы, как будущие интеллигенты, должны понять окружающую нас современную жизнь» [Смирнов, 1901, № 8, с. 65]. Кроме прямых указаний на «интеллигентность» в изобилии и косвенные. Так, ученицы 90-х гг. XIX в. рассуждают о своей будущей карьере учительниц, ученики характеризуются как развитые и интеллигентные (или как неразвитые и неинтеллигентные), т.е., можно говорить о достаточно осознаваемой самоидентификации.

Из всего обилия тем, затрагиваемых в детских текстах, целесообразно выделить тематику, считающуюся канонической для интеллигенции, отношения: с народом и отношения с властью. Обратимся к текстам. В частности, в журнале «Товарищеский кружок» за 1909 г., издаваемом учениками второго класса ВВКУ, которым было около 11-12 лет. Его содержание вполне соответствует нашим представлениям о первых литературных опытах: фактически это помещенные в журнал сочинения–описания или сочинения–повествования [Балашова, 2007, с. 80]. Приведем типичный образец такого текста. «Было теплое утро. Я, брат, папа и двое знакомых пошли в лес за грибами. Когда мы вошли в лес, то увидели небольшую стаю тетеревов. Увидя нас, они улетели. Мы пошли дальше, и пришли к речке; около речки мы нашли много желтых колокольчиков и их набрали. Потом мы перешли на другую сторону реки по узенькому мостику...» [ОР РНБ. Ф. 1091. Д. 644. Л. 2–3]. Такую же описательность материалов для журналов учеников младших классов отмечает и С. Смирнов в своем обзоре журналов 1890-х гг. [Смирнов, 1901, № 8, с. 49].

Судя же по журналу «Первый опыт», выпускавшемуся в том же классе ВВКУ, но уже на следующий год, ученики повзрослели, и их тексты приобрели новый оттенок. И в них можно обнаружить первое обращение к интеллигентскому канону, причем в очень интересном соседстве. Прежде всего бросается в глаза следующее: если в текстах предыдущего года господствовало местоимение «мы» («мы увидели», «мы перешли», «мы отправились»), то в 1910 г. автор выступает от собственного имени. Возможно, это связано с тем, что учеников учили писать не только сочинения–описания, но и сочинения–повествования, однако в любом случае «мы» уходит из текстов и автор либо обозначает себя через «я», либо подразумевает себя в качестве наблюдателя. И этот наблюдатель видит прежде всего страдания и несправедливость.

Описание страданий может носить вполне типичный для романтических текстов характер: вот отрывок из стихотворения в прозе «Буря»:

Все было мрачно.

Я, стоя на скале, любовалась этой картиной,

Вдруг на горизонте показался пароход.

Его бросало из стороны в стороны.

Когда пароход приблизился ко мне

Я увидела людей, которые в страхе метались по палубе.

Пароход миновал меня и стал скрываться из глаз [ОР РНБ. Ф. 1091. Д. 644. Л.5].

Этой зарисовке вторит стихотворение «Круговая порука», напечатанное в том же журнале. В стихотворении описывается целая пищевая цепь, которая оканчивается человеком, также умирающим от укуса змеи. И заканчивается это произведение чудовищными стихами:

Гибель людям, насекомым,

Гибель ястребам,
Гибель зверям и всем прочим
Алчным существам. [ОР РНБ. Ф. 1091. Д. 645. Л. 2–2 об].

Здесь же помещаются страшные рассказы о детях: о замерзающей бедной девочке, о девочке-прислуге, сироте, которая может только наблюдать праздник Рождества. Приведем отрывки из них: «После обеда приехали гости, начались танцы. Лиза с тоской смотрела и думала, как она, когда был жив ее папа, также весело встречала Рождество у себя дома и крупные слезы текли по щекам»; «Ей казалось, что она сейчас куда-нибудь придет. Ее накормят, согреют и дадут ей хорошо отдохнуть и она вернется домой. Она стала замерзать... Снег стал валить и засыпал ее. И маленькая девочка уснула навеки под снегом» [ОР РНБ, Ф. 1091. Д. 645. Л. 3 об–4 об]. Удивительно именно осознание собственного «я», т. е. проявление в тексте «я» как точки зрения, и одновременно избрание объектом наблюдения этого «я» людского горя и страдания. Конечно, налицо подражание: дети копируют интонацию и тематику детских журналов [Балашова, 2007, с. 76–82; Лярский, 2007; 2010, с. 238–257]. Эти тексты порождены одной и той же средой, это один и тот же взгляд на мир. Взросление связано с освоением канона, и дети 3-го класса демонстрируют нам его освоение, и это совпадает с фиксацией своего «я» в текстах, что немаловажно для становления личности.

Однако тексты учеников более старшего возраста содержат весьма противоречивые оценки народа-страдальца. Нельзя не отметить, что для них, как и для многих представителей интеллигенции, опыт действительного, а не «виртуального» общения с народом оказывался иногда травматическим и требующим специального осознания. И рефлексия приводила к заключениям неоднозначным. Например, в одном из разбираемых С.Смирновым журналов конца XIX в. было помещено краткое изложение рассказа «Обход», в котором «автор рассказывает о своих впечатлениях при обходе бедняков, заявивших о своих желаниях воспользоваться пособием от какого-то благотворительного общества». Обход, судя по тексту, производит на автора довольно тягостное впечатление, и он задается вопросом весьма характерным: кто же в этом виноват? И ответ не менее характерен: «Виновата вся жизнь, мы не можем исправить ее единичными усилиями, но помогая бедным и не делая зла, мы по крайней мере можем быть довольны хоть тем, что если за нас и не молятся, то и не проклинаят» [Смирнов, 1901, № 8, с. 67].

Удивительно, но через 20–25 лет этот сюжет снова встречается на страницах школьных изданий: с начала Первой мировой войны многие учащиеся, в том числе учащиеся ВВКУ, на волне патриотизма включились в общественную работу. Некоторые из них были заняты в общественных попечительствах, и им приходилось лично проводить обследования и обходы. Эта процедура заключалась в том, что представители благотворительной организации обходят тех, кто претендует на получение пособия, и именно исходя из их отзывов выносятся решения выделять деньги конкретной семье или не выделять. Ситуация ответственная и тяжелая, в ней желание помогать людям проходит проверку практикой. Вот как описывает реакцию подопечной на отказ в пособии одна из учениц ВВКУ: «Делать было нечего, я стала ретироваться. "Как на какую барышню попадешь – вдруг громко взвизгнула она. – Та дает, другая... да что уж тут! Вот сразу то и видно, куда попечительские денежки идут! Ишь шуба, шляпа. Тоже ведь денег стоит... Гуляй мои квартирные, гуляй мальчишкины сапоги". "Ну что Вы, – простонала я. – Боже, фу!" "Нечего фукать – то, матушка, дело житейское! Фуканьем греха не замолишь"». И завершается рассказ печальными размышлениями: «Это наша работа, наша "деятельность", основанная на столкновении в самых неприятных вопросах жизни, на взаимном непонимании, на стремлении "провести", и "уловить", на сыске и прятании. И никогда не поймет эта Антипова, что я даром работаю, что деньги дает город, что надо распределить равномерно... всей этой сложной махинации нашего благотворительства. Такова работа!» [ОР РНБ, Ф. 1091. Д. 658. Л. 91 об]. Отметим, что в одинаковой ситуации проявляются разные оттенки: если ученик конца XIX в. надеется на то, что его хотя бы не будут проклипать, то ученица периода Первой мировой войны описывает свое столкновение с народом с точки зрения собственной правоты и своего права решать, кому оказывать помощь. Налицо пересмотр безусловного приоритета страдающего народа, некая эволюция его восприятия. Однако если обратиться к другим текстам школьных журналов, то можно увидеть, что эта эволюция в восприятии народа не является необратимой.

Можно говорить о сосуществовании двух точек зрения – канонической и неканонической. Об этом свидетельствует, к примеру, выпускаемый в том же ВВКУ в одном и том же классе в 1908

– 1911 г. журнал «На волоске». В его четвертом номере за 1910 г., в рассказе «Встреча» представлена картина страдающего народа: ученица описывает встречу с бедной женщиной – крестьянкой, идущей в город. Оказалось, что она ведет сына в ученики к слесарю. Из разговора выясняется, что женщина – солдатка, ее мужа забрали в армию, она осталась одна с двумя детьми. Один ребенок умер, причем эта смерть описывается как следствие бедности семьи: «к доктору бы надо, да заплатить нечем. Бывало плачу я, любила уж очень его, а помочь не могу. Таки помер бедняжка». Потом крестьянка болела сама, потом пришло известие, что умер муж. «Вот и веду теперь сына в город и сама там куда-нибудь пристроюсь, уж и не знаю». Заканчивается рассказ на шемящей ноте: "Бедная, бедная ты, сколько горя у тебя еще впереди!" – мелькнуло у меня, и я невольно вспомнила незабвенные слова поэта: "Доля ты, русская долюшка женская, вряд ли труднее сыскать!" Кругом по-прежнему была также тоскливая картина» [ОР РНБ. Ф. 1091: «На волоске» (Школьный журнал). Л. 66–68].

И в этом же номере журнала помещен рассказ «Пожар», в котором русский народ описывается совсем в ином ключе – образ народа-страдальца сменяется образом жестокого и равнодушного народа. Мальчик летом становится свидетелем пожара в Саратовской губернии – горело имущество, принадлежавшее татарской семье. «Гумно продолжало гореть, татары выбивались из сил, кругом стояли русские крестьяне и разговаривали. Но что меня больше всего поразило, это было то, что эти крестьяне смеялись над татарами. Я был возмущен и нельзя было не возмутиться: русские крестьяне хладнокровно смотрели, как погибало чужое добро их соседей татар и палец о палец не ударили, чтобы помочь им. Правда, были два три крестьянина, которые им помогали. Но ведь остальные только смотрели! Скажите мне!!! Почему они только смотрели? Неужели потому что татары не православные, нехристи, или может быть потому, что крестьянину нет дела до горя других, лишь бы было цело свое добро. Я никак не могу понять, почему русские крестьяне только смотрели» [Там же. Л. 63].

Если первый рассказ его автор соотносит с творчеством Некрасова, то второй, скорее, тяготеет к традициям, идущим от Глеба Успенского, который во «Власти земли» описывает русского крестьянина и как человека с «лесной» моралью, «лесной» жестокостью и жадностью. И совместное существование этих рассказов под одной обложкой говорит нам о том, что вопрос о народе и его страданиях, сохраняя свою значимость для становления интеллигента, осваивается неоднозначно. Школьник начала XX в. унаследовал не только идеи, но и сомнения в них, унаследовал не только решения задач, но и их нерешенность, а значит, и возможность выбора.

Тем не менее, несмотря на эту возможность выбора, у читателя школьной прессы всегда сохраняется ощущение того, что приоритет остается за идеей народа-страдальца. Когда в журналах учащихся поднимается тема народа, авторам чаще приходит на ум именно интеллигентский канон. «Большинство наших братьев страдает, находясь в нищете и невежестве. Разве это не есть величайшая сердечная рана для каждого из нас? У кого сердце не обливается кровью при мысли о том, что мы пользуемся наивысшим счастьем земным, тратя на то безумные деньги, деньги на которые можно было бы накормить тысячи голодных, составить хотя бы подобие удобства для многочисленных семей бедняков. Вы скажете – старая песня... Нет, я не могу отдаться вполне науке, когда вижу кругом ужасное падение души человеческой». Этот текст 1914 г. возвращает нас к идеям народников, а его автора загоняет в бесконечные лабиринты интеллигентского дискурса [РГАЛИ. Ф 1345. Оп № 1. Д. 731: «Искание» (Альманах юных). Л. 14].

Переходя к рассмотрению вопроса об отношениях с властью, стоит сказать, что он решался более определенно и приобретал особую остроту при создании школьных журналов в казенных учебных заведениях. Они запрещались школьным начальством под разными предлогами и по разным причинам. Причем это не всегда было связано с крамолой. Опасались часто того, что журналы отвлекают воспитанников от занятий. И вообще – как бы чего не вышло. Однако с 1896 г. осторожность школьного начальства приобрела формальную опору в виде министерского циркуляра № 25587 от 13 октября 1896 г. Министерство запретило издание при средних учебных заведениях ученических журналов. И, хотя, согласно исследователям, этот запрет был отменен в 1904 г. [Балашова, 2007, с. 29; Константинов, 1947, с. 88], практика показала, что многое в этом деле зависело от учебного начальства. И если в столицах и крупных учебных центрах школьная журналистика процветала, то в провинции еще и в 1915 г. трудно было найти легальный школьный журнал. Поэтому повседневные отношения с властью были постоянным фоном издания нелегальных школь-

ных журналов и не могли не отражаться в текстах.

Таким образом, в школе ученик переживает первый опыт столкновения личности с системой. И школа, не являющаяся автономной от государственной внутренней политики, ориентированная не столько на образование, сколько на охранительные тенденции, становилась представителем, олицетворением государства в глазах ученика. На школу переносились представления об особенностях Российского государства, почерпнутые из газет и разговоров в семье или с товарищами, и само государство рассматривалось сквозь призму внутришкольных отношений. Школа давала первый опыт борьбы с государственной машиной и закрепляла в сознании определенный образ государства.

Все это отражалось на страницах школьной нелегальной прессы Введенской гимназии. Так, когда в 1912 г. покончил с собой один из учеников, Николай Сергеев, учениками были написаны прокламации, которые были расклеены в университете. В их тексте говорилось, что «школа неразрывно связана с государством. Все издевательства, чинимые над нами, нужны для поддержки деспотизма» [ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 13. Д. 880. Л. 18]. Учащиеся начали собирать материал для специального номера школьного журнала (который так и не увидел свет). В одной из статей, предназначенных для этого номера, конкретизировалось понимание школы как рассадника деспотизма: говорилось, что школа развращает души учеников, наказывая за доноительство, за игру в шахматы на переменах, угрожая ученику 8-го класса исключением за слишком широкие, по мнению начальства, брюки. И педагоги сами подают плохой пример. Так, «понятие "классная дама" равносильно понятию "шпионка и сплетница"». «За недостающую пуговицу слышатся слова "Коричневая рвань!" в женских гимназиях и "Щенок!" в мужских». Общий принцип, который неуклонно проводят в жизнь педагоги, – «Не рассуждать! Повиноваться!» [ЦГИА СПб. Ф. 2189. Оп. 1. Дд. 79. Л. 6–6 об].

Если же оставить в стороне такой крайний случай, как гибель ученика, то и без этого основным содержанием школьного журнала часто становилась критика школьных порядков и школьного начальства. Эти сюжеты органичны для сатирического журнала «Недотыкомка», выпускавшегося в течении ряда лет во Введенской гимназии. Ни одного положительного отзыва о педагоге или школьной системе мы не найдем на страницах этого журнала, зато пародийные тексты встречаются на каждом шагу. Карикатуры на преподавателей, жесткая сатира на школьные порядки, безжалостные заметки по поводу любых просчетов педагога – постоянный тон «Недотыкомки». И ни одного слова о сотрудничестве с педагогами. Для участников «межученической организации» это весьма типичный подход: школа воспринимается как поле битвы, как противостояние двух лагерей, между которыми не может быть мира.

И это тем более показательно, что даже в гуманной среде ВВКУ, преподаватели которого уважали и любили своих учеников, а ученики отвечали им взаимностью и преданностью, вопрос о сотрудничестве с властью рассматривался как вопрос о предательстве и доносе. В январе 1917 г. на страницах «Школьной газеты» ВВКУ развернули дискуссию о доносах. Автор одной из статей, А. Антонова, призвала товарищей не покрывать поступки одноклассников, потому что принятое в казенных гимназиях недопустимо в новой школе. Один из редакторов газеты, А. Фан-дер-Флит, отмечая, что, хотя и недопустимо обманывать преподавателя, писал, что под словосочетанием «не покрывать» подразумевается – «доносить», что невозможно по этическим соображениям. На резонные возражения А. Антоновой, что донос тут не при чем – и учитель, и ученики одинаково заинтересованы в искоренении недостатков и должны бороться против них вместе, отвечали уже многие ее соученики, и смысл их ответов сводился к тому, что донос недопустим при любых обстоятельствах [ОР РНБ. Ф. 1091: Герман П.А. ВВКУ «Школьная газета», Л. 260–265].

Не принималось и не понималось любое сотрудничество с властью. Так, когда один из учеников опубликовал в газете свои впечатления о швейцарском колледже, он специально отметил «отсутствие товарищества»: «Никогда не было, чтобы ученик донес на товарища, но когда учитель спрашивал "кто это сделал", тотчас ему называли виновника, который наказывался». Русского ученика удивило и то, что ученик-дежурный записывал шумно ведущих себя в отсутствие учителя на доске, а когда учитель приходил, то наказывал вошедших в этот список. И русский ученик никак не мог понять, почему при том, что наказание неминуемо, дежурный все-таки записывал своих товарищей? [Там же. Л. 33 об.].

Подведем некоторые итоги. По моему убеждению, одна из главных задач исторического

микроисследования – превращение очевидного в понятное. Ответ на вопрос «что?» мы часто знаем, а вот ответить на вопрос «как?» гораздо труднее. Если рассматривать школьную рукописную традицию как свидетельство процесса социализации, а выпуск журнала и подготовку текстов для него – как мощный социализирующий фактор, то можно проследить в подробностях этот процесс. Как было видно, участие в школьной самостоятельной журналистике вовлекало учащихся и в обсуждение таких проблем, которые являлись обязательными для интеллигенции. Не менее важным представляется опыт рефлексии сам по себе. Конечно, говорить о том, что издание школьного журнала превращает человека в интеллигента, – нелепость, однако в комплексе переживаний школьника начала XX в. отражение такого события может быть важно, поскольку создание текста, являясь результатом сознательной деятельности, требовало приложения усилий, иногда борьбы с оппонентами или редакцией. Этот личный опыт повышал значимость текста и закреплял переживания по поводу высказанных мыслей вместе с самими мыслями в структуре личности. Поэтому то, что из Выборгского коммерческого училища, по словам Л. Успенского, «не вышло ни одного коммерсанта», а среди редакторов введенской «Недотыкомки» были будущие сторонники революции, становится гораздо понятнее, когда мы вспомним, что пробуждение «я» в тексте рукописного журнала связано с образами народных страданий, а пародия и насмешка на страницах школьного журнала является частью повседневной борьбы с властью.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Ребенок в изменяющейся России XX века: образы детства, повседневные практики, “детские тексты”», проект № 11-01-00345а.

Библиографический список

- Балашова Ю.Б. Школьная журналистика серебряного века. СПб., 2007.
- Городок в табакерке. Детство в России от Николая II до Бориса Ельцина (1890–1990): антология текстов. М.; Тверь. 2008.
- Дианин С.А. Революционная молодежь в Петербурге. 1897 – 1917 гг. Л., 1926.
- Из истории русской интеллигенции: сб. матер. и ст. к 100-летию со дня рождения В.Р. Лейкиной-Свирской. СПб., 2003.
- Келли К. Влияние новой идентичности на культуру: «открытие детства» в позднеимперской России // Малолетние подданные большой империи: Филипп Арьес и история детства в России (XVIII – начало XX в.). М., 2012.
- Лейкина-Свирская В.Р., Селиванова И.В. Школа в Финском переулке СПб., 1993.
- Константинов Н.А. Очерки по истории средней школы (гимназии и реальные училища с конца XIX в. до февральской революции 1917 г.). М., 1947.
- Лярский А.Б. «Невеселые вещи пришлось мне рассказать вам, милые читатели...»: детские журналы и проблемы коммуникации поколений в России конца XIX - начала XX в. // Диалог культур – 2007: молодежь в пространстве межкультурных и этнокультурных коммуникаций: сб науч. ст. СПб., 2007.
- Лярский А.Б. Самоубийства учащихся как феномен системы социализации в России на рубеже XIX – XX вв. СПб., 2010.
- Московское детство: память поколений / сост. И.В. Баканова, Н.Ю.Каменецкая, Н.Н.Фомина. М., 2008.
- Русский школьный фольклор / сост. А.Ф. Белоусов. М., 1998.
- Сальникова А.А. «Детский» текст и детская память в «эпоху катастроф» // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в XX столетии. Челябинск, 2004.
- Сальникова А.А. Российское детство в XX веке: История, теория и практика исследования. Казань, 2007.
- Скворцова С. Духовная жизнь гимназисток по литературным журналам, издаваемым гимназистками // Вестн. Воспитания. 1896. № 3.
- Смирнов С. Ученические журналы и сборники // Вестн. Воспитания 1901. № 6-9.
- Чередникова М.П. «Голос детства из дальней дали...» (Игра, магия, миф в детской культуре). М., 2002.

Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. Ульяновск, 1995.
Школьный быт и фольклор. Таллинн, 1992.

Дата поступления рукописи в редакцию 31.05.2013

SCHOOL HANDWRITTEN JOURNALS AND NEWSPAPERS OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES AS A FACTOR OF SOCIALIZATION

A.B. Lyarskiy

North-West Institute of Printing Arts of St. Petersburg State University of Technology and Design, Lenin ave.,
76, 91180, St. Petersburg, Jambul al., 13, Russia
Lam732007@yandex.ru

The problem of pupils' socialization in the early XX century through the example of school handwritten journals is under investigation. The text is seen as a social act. The article demonstrates pupils' awareness of problems typical for the discourse of intelligentsia, such as attitude to the nation and to the Government.

Key words: history of childhood, school journals, socialization.

References

- Balashova Yu.B.* Shkol'naya zhurnalistika serebryanogo veka. SPb., 2007.
Gorodok v tabakerke. Detstvo v Rossii ot Nikolaya II do Borisa El'tsina (1890–1990): antologiya tekstov. M.; Tver'. 2008.
Dianin S.A. Revolyutsionnaya molodezh' v Peterburge. 1897 – 1917 gg. L., 1926.
Iz istorii russkoy intelligentsii: sb. mater. i st. k 100-letiyu so dnya rozhdeniya V.R. Leykinoy-Svirskoy. SPb., 2003.
Kelli K. Vliyanie novoy identichnosti na kul'turu: «otkrytie detstva» v pozdneimperskoy Rossii // Maloletnie poddannye bol'shoy imperii: Filipp Ar'es i istoriya detstva v Rossii (XVIII – nachalo XX v.). M., 2012.
Leykina-Svirskaya V.R., Selivanova I.V. Shkola v Finskom pereulke SPb., 1993.
Konstantinov N.A. Ocherki po istorii sredney shkoly (gimnazii i real'nye uchilishcha s kontsa XIX v. do fevral'skoy refolyutsii 1917 g.). M., 1947.
Lyarskiy A.B. «Neveselye veshchi prishlos' mne rasskazat' vam, milye chitateli...»: detskie zhurnaly i problemy kommunikatsii pokoleniy v Rossii kontsa XIX - nachala XX v. // Dialog kul'tur – 2007: molodezh' v prostanstve mezhkul'turnykh i etnokul'turnykh kommunikatsiy: sb nauch. st. SPb., 2007.
Lyarskiy A.B. Samoubiystva uchaschikhhsya kak fenomen sistemy sotsializatsii v Rossii na rubezhe XIX – XX vv. SPb., 2010.
Moskovskoe detstvo: pamyat' pokoleniy / sost. I.V. Bakanova, N.Yu.Kamenetskaya, N.N.Fomina. M., 2008.
Russkiy shkol'nyy fol'klor / sost. A.F. Belousov. M., 1998.
Sal'nikova A.A. «Detskiy» tekst i detskaya pamyat' v «epokhu katastrof» // Vek pamyati, pamyat' veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v XX stoletii. Chelyabinsk, 2004.
Sal'nikova A.A. Rossiyskoe detstvo v XX veke: Istoriya, teoriya i praktika issledovaniya. Kazan', 2007.
Skvortsova S. Dukhovnaya zhizn' gimnazistok po literaturnym zhurnalom, izdavaemym gimnazistkami // Vestn. Vospitaniya. 1896. № 3.
Smirnov S. Uchenicheskie zhurnaly i sborniki // Vestn. Vospitaniya 1901. № 6-9.
Cherednikova M.P. «Golos detstva iz dal'ney dali...» (Igra, magiya, mif v detskoy kul'ture). M., 2002.
Cherednikova M.P. Sovremennaya russkaya detskaya mifologiya v kontekste faktov traditsionnoy kul'tury i detskoy psikhologii. Ul'yanovsk, 1995.
Shkol'nyy byt i fol'klor. Tallinn, 1992.